

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.340.363>

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР КАРАВАН-САРАЕВ ПЛАТО УСТЮРТ

©2024 г. М.Д. Калменов, А.Е. Бижанова, С.Б. Курманалин

Статья посвящена караван-сараям, расположенным на плато Устюрт. В период государства Улуг Улуса (Золотая Орда) приоритетным караванным сообщением становится дорога через плато Устюрт, обустроенная грандиозными, хорошо укрепленными гостиницами дворами – караван-сараями. Торговые караваны из Ургенча попадали в город Сарайчик на реке Жайык (Урал), и далее направлялись в столицу Золотой Орды, город Сарай-Бату на Волге. Укрепленные «гостиницы» – караван-сарай – были привязаны к колодцам или искусственно созданным хранилищам – водонакопителям сезонных осадков, располагавшимся на расстоянии одного или двух дней перехода каравана. Главная постройка в виде небольшой крепости служила гостиницей для купцов и состоятельных путешественников. Здесь имелись небольшие комнаты, кухня, столовая, возможно, баня, а также складские помещения для хранения перевозимых товаров. Караван-сарай выполняли и роль почтовых станций, где гонцы могли поменять лошадей. Небольшой военизированный отряд, расквартированный поблизости, был призван охранять и контролировать торговую трассу на этом участке. Вблизи караван-сарая возникали небольшие селения для обслуживающего караваны персонала – погонщиков, охранников, мигрирующего населения. На сегодня, на плато Устюрт известно 10 караван-сарая – Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук, Кусшы ата, Коптам (Белдеули) и у родника Коскудук (Есетбулак), также в направлении Каспийского моря расположены Уали и Маната. Караван-сарай вытянуты по прямой с юго-востока на северо-запад. Между крайними обследованными памятниками расстояние составляет около 270 км.

Ключевые слова: археологические памятники, средневековье, плато Устюрт, караван-сарай.

HISTORICAL AND TOPOGRAPHICAL REVIEW OF CARAVANSERAIS ON THE USTYURT PLATEAU

M.D. Kalmenov, A.E. Bizhanova, S.B. Kurmanalin

The paper deals with the caravanserais located on the Ustyurt plateau. During the period of the state of Ulug Ulus (Ulus of Jochi, Golden Horde), the priority caravan route became the road across the Ustyurt plateau, equipped with grandiose, well-fortified complex of buildings where travelers (caravaners) could have a rest – caravanserais. Trade caravans from Urgench reached the city of Saraichyq, situated on the Jajyk River (Ural), and then went on to the capital of the Golden Horde, the city of Sarai-Batu on the Volga. Fortified “hotels” – caravanserais – were tied to wells or artificially created storage facilities – water reservoirs for seasonal precipitation, located at a distance of one or two days of the caravan's journey. The main building, in the form of a small fortress, served as a hotel for merchants and wealthy travelers. There were small rooms, a kitchen, a dining room, possibly a bathhouse, as well as warehouses for keeping goods. Caravanserais also served as postal stations where messengers could change horses. A small military detachment stationed nearby was called upon to guard and control the trade route in this area. Near the caravanserais, small settlements arose for the personnel serving the caravans – drovers, guards and migrating population. To date, 10 caravanserais are identified on the Ustyurt plateau – Uchkuduk, Azhikeldi, Beleuli, Kosbulak and Churuk, Kusshy ata, Koptam (Beldeuli) and near the Koskuduk spring (Esetbulak), also in the direction of the Caspian Sea are Uali and Manata. The caravanserais are stretched in a straight line from southeast to northwest. The distance between the extreme examined sites is about 270 km.

Keywords: archaeological sites, Middle Ages, Ustyurt plateau, caravanserai.

Историческое развитие Западных регионов средневекового Казахстана в X-XIV вв. освещено в литературе очень неравномерно. Наименее исследованными оказались археологические памятники плато Устюрт. Если в предшествующее время памятники сопредельных регионов (Средняя Азия и Поволжье), как свидетельства письменных источников изучены и обобщены в исторических построениях сравнительно неплохо, то эпоха, наступившая после вхождения данного региона в состав Улуса Джучи (Золотой Орды),

с полным привлечением всего комплекса источников, прежде всего археологических, рассматривалась не полностью. Связано это с тем, что материальная культура плато во всех ее составляющих, в комплексе, никогда не анализировалась, некоторое исключение составляет только Юго-Восточная часть плато (Толстов, 1952, с. 538; Толстов, 1948а, с. 182; Толстов, 1958, с. 16; Толстов, 1948б, с. 320 с.; Толстов, 1962, С. 310 с.; Ягодин, 1963, с. 207; Ягодин и др., 1973, с. 96–98.; Бижанов, 1967, с. 26 с.; Бижанов, 1965, с. 64–67.; Бижанов, 1966, с. 96–98.; Бижанов, Лоховиц, 1969, с. 59–61.; Бижанов, 1970, с. 56–60.; Древняя и средневековая культура..., 1978, с. 326 с.; Манылов, 1982, с. 125 с.; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186.).

В настоящее время, количество известных только по разведкам и раскопкам памятников Устюрта составляет более несколько десятков. При этом ни один известный археологический памятник не рассматривался комплексно. В связи с этим, безусловно, необходимо учитывать недостаточную археологическую изученность региона. Но это не объясняет данный феномен, учитывая, что поселения этого интересующего нас периода в небольшом количестве, но есть.

Плато Устюрт – регион, расположенный между Каспийским и Аральским морями, в связи со сложностью организации исследовательских работ и сложившихся представлений о бедности и малозначительности археологических памятников на нем, до недавнего времени оставалось археологически мало изученным. Территория Устюрта с древнейших времен была важнейшей контактной зоной народов и культур Центральной Азии. Особенности истории данной территории известны до сего момента лишь из скудных данных письменных источников, которые малоинформативно, но, позволяют реконструировать отдельные стороны экономики, культуры, социальной дифференциации и этническую историю в целом. Рассматривая эту сложную и дискуссионную тематику – о взаимосвязи населявших эту территорию народов, исследователи в основном опирались на письменные и лингвистические данные, не уделяя должного внимания археологическим источникам. Многочисленные археологические материалы до сих пор не введены в научный оборот, а они являются основным источ-

ником по воссозданию картины исторической действительности данной территории. В связи с накоплением новых археологических материалов, вновь поднимается вопрос о необходимости более тщательного сопоставления археологических памятников этого региона, находившихся в круговороте исторических событий. Анализ и интерпретация новых источников позволяют расширить наши представления о различных сферах жизнедеятельности средневековых народов, проживавших на данной территории. Большое значение для решения проблемы исследования памятников Устюрта в X–XIV вв. имеет изучение малоисследованных проблем взаимосвязей кочевых и оседлых народов. Достаточно высокая информативность археологического источника с одной стороны и совершенно недостаточная степень изученности проблемы – с другой, обуславливают актуальность избранной темы исследования.

Следует отметить, что необходимо максимальное расширение источниковой базы. Во-первых, за счет максимально полного использования всех археологических материалов. Во-вторых, за счет сравнительного анализа одновременных памятников всего средневекового Устюрта и сопредельных территорий. В-третьих, за счет привлечения всех существующих письменных свидетельств и других категорий источников (сфрагистических, эпиграфических, нумизматических) для анализа процесса исторического развития данного региона. При таком подходе, появляется возможность впервые определить особенности культуры, ее общие и специфические черты по сравнению с другими регионами сопредельных территорий. Это позволяет более обосновано реконструировать все стороны жизнедеятельности населения и те исторические процессы, которые протекали на этой территории в средневековье в рассматриваемый хронологический период.

Обзор письменных источников. Расцвет Западнотюркского каганата приходится на первую половину VI века. Возможно, территория Устюрта в то время входила в состав Западно-Тюркского государства. Еще с середины VI в. в Арало-Каспийских степях можно проследить влияние каганата, о чем свидетельствуют маршруты посольства кагана во главе с согдийцем Маниахом и византийского

посла Земарха (Ажигали, 2001, с. 19.). Обратный путь последнего лежал через Северное Приаралье (а может быть и Юго-Запад, с выходом на Устюрт, как и впоследствии ибн Фадлан?) к Эмбе (Их), Яику (Даукс), Волге (Атилл, Итиль) и далее (Бартольд, 1965, с. 37–67.; Гафуров, 1972, с. 220.). В эту эпоху Северо-Восточный Прикаспий включился в сферу торгово-дипломатических отношений Средней Азии с Поволжьем, с одной стороны – через Мангистау и Каспий (морем), с другой – через Устюрт, Эмбу и Яик. Торговля эта была стимулирована появлением в низовьях Итиля (Волги) Хазарского каганата, постепенно вовлекавшего в сферу своего политического влияния территории Западного Казахстана. По данным письма хазарского кагана Иосифа в середине X в. придворному Кордовского халифа Хасдаю ибн Шафруту, население Восточного Прикаспия на протяжении месяца пути до Гургана (т.е. до Юго-Восточного угла Каспия) платило дань кагану (Кокковцов, 1932, с. 81–83). Как известно, сведения эти преувеличены и относятся к более раннему времени – IX в. (Плетнева, 1976, с. 11.). Однако земли, непосредственно граничившие в ту эпоху с территорией хазарского домена (низовья Итиля-Волги), а именно: Северо-Восточное побережье Каспия, Мангистау – входили в сферу каганата. Это, видимо, нашло отражение в таком важном источнике: в труде аль Бируни «Масудов Свод», где в пятом климате указана «гора Ян*х*шлаг» т.е. Мангистау с горами Каратау и Актау, которая находится в стране хазар (Мандельштам, 1971, с. 164–165).

Очень ценным по времени и значению является источник IX в. – «Книга завоевания стран» крупнейшего арабского историка и поэта Абу-л-Аббас Ахмед Ибн Яхья Ибн Джабир Ал-Белазури (Ал-Белазури, 1939, с. 62). Данный источник известен нам только в сокращенной редакции, но полный его текст был использован в XIII в. Якутом в его географическом словаре. Писал свою книгу Ал-Белазури в 892/3 г. Для нас особенно важны первые сведения об огузах. Другой важный источник арабского писателя IX в. – Ахмеда Ибн Абу-Якуб Ибн Джафар Ибн Вахб Ибн Вадих Ал-Якуби (Ал-Якуби, 1939, с. 78). Он дает много интересных сведений, в частности об образе жизни огузов. Наряду с этими источниками надо отметить арабского писателя начала X в. Абу-Али Ахмед Омар Ибн

Русте и его труд «Книга драгоценных ожерелий» (Ибн Русте, 1939, с. 150). Он представляет собой энциклопедию по разным вопросам. Здесь мы находим сведения об Устюрте и о расселении огузов на огромной территории, в частности Устюрта. Следует особо отметить Абу-Исхах Ибрагима Ибн Мухаммеда ал-Фариси ал-Истахри, создавшего «Книгу путей и стран» около 951 года, в которой каждой стране посвящена особая глава и карта в красках. Эту работу ал-Истахри, в свою очередь, подверг обработке Абу-л-Касим Ибн Хаукаль (Ибн-Хаукал, 1939, с. 83–86). Он по просьбе ал-Истахри взялся за исправление и дополнение его труда и закончил работу в 977 году. В труде ал-Истахри и Ибн Хаукаля содержатся очень ценные сведения об Устюрте и Мангистау (Сякух) об огузах, территории их расселения и взаимоотношениях с Хорезмом. Наряду с ал-Истахри и Ибн Хаукалем классическим представителем арабской географической науки и ее расцвета в X в. был Абу-Абдаллах Ибн Ахмед Ибн Абу Бекр ал-Мукаддаси (или ал-Макдиси) (Ал-Макдиси, 1939, с. 184). Его сочинение «Наилучшее распределение для познания стран», написанное в 985 году, отличается точностью и детальностью. В нем содержатся сведения о торговле огузов с Хорезмом.

Важным для нас первоисточником является своеобразное произведение Ахмеда Ибн Фадлана. В 921–922 гг. (309–310 гг. Хиджры) посольство и торговый караван Халифа Мухтадира (908–932 гг.) было отправлено к царю Волжских Булгар с целью установления политического союза халифата в Булгарии. Участник и секретарь посольства Ибн Фадлан составил докладную записку с подробным описанием маршрута. В ней подробно указан маршрут через Хорезм и Устюрт. Также, в этом документе приводится ряд ценных живых наблюдений об Устюрте и Огузах, имеются важные сообщения об образе жизни огузов, обычаях и т.д. (Ковалевский, 1956, с. 97–98). Надо отметить историка и географа Абу-л-Хасан Али Ибн ал-Хусейн ал-Масуди и его историко-географическую энциклопедию «Золотые луга и россыпь самоцветов», написанную в 947–950 гг. (Ал-Масуди, 1939, с. 166). В этой работе содержатся сведения об образе жизни огузов.

Заслуженной известностью пользуется великий хорезмийский ученый-энциклопед

дист своего времени Абу Рейхан Мухаммед Ибн Ахмед ал-Беруни (973-1048 гг.) (Абу Рейхан ал-Беруни, 1939, с. 219). В его произведениях содержатся сведения о сложных взаимоотношениях огузов с Хорезмом. Из позднейших арабских географов следует отметить труды Якута (Якут, 1939, с. 171–177). В трудах Якута имеются важные для нас сведения о торговых путях – как сухопутных, так и судоходных – шедших с нижней Волги через Устюрт в Хорезм. В этом отношении интересны также сведения, приведенные в сочинениях Изз-ад-дин Абу-л-дин Абу-л-Хасан Али Ибн Мухаммед Ал-Асира (1160–1233/4 гг.) (Ал-Асир, 1930, с. 138). Как мы отметили выше, важные для нас сведения содержатся и в персоязычной литературе.

Среди трудов, написанных на персидском языке для нас важен географический трактат под названием «Границы мира» – «Худуд-ал-алем», составленный неизвестным автором в 982/983 гг. Единственная рукопись его была обнаружена в 1892 г. в г. Бухаре А.Туманским (Худуд-ал-алем, 1939, с. 209-210). В ней имеются сведения об огузах, об их образе жизни и о землях, в состав которой входили и интересующие нас территории.

Надо также отметить персидский труд исторического содержания под названием «Украшение повествования» Абу Саид Абдалхай ибн ал-Зиххак ибн Мухаммед Гардизи (Бартольд, 1897, с. 93-94). В данной работе мы находим ясное подтверждение о караванном пути из Хорезма через Устюрт на Нижнюю Волгу. Письменные источники послемонгольского периода в основном односторонние, но для нашего исследования исторически важны. Это путевые записки европейских и иных путешественников, таких как Плано Карпини, ибн Баттута и Бальдучи Пегалотти и др. Труды данных авторов посвящены в основном вопросам торговли и караванным дорогам Хорезма, в частности, Устюрта.

В начале VII в. начинается ослабление Западно-Тюркского каганата, и степные племена северных народов Средней Азии начинают добиваться независимости. В IX-XI вв. в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи и примыкавших к нему степях Западного Казахстана сложилось раннефеодальное государство огузских племен. В это историческое время интересующая нас территория была заселена племенами огузов. Самое раннее

упоминание о них в арабской географической литературе относится к первой половине IX в. Восточные авторы, оставившие подробное описание огузов, дают весьма противоречивые сведения об образе их жизни. Так, Ибн Фадлан, сам побывавший у огузов Устюрта, Ал-Якуби и неизвестный автор «Худуд-ал-алем» описывают огузов как кочевников. Они, по данным названных авторов, не имели никаких городов, постоянно перемещались с места на место и жили в войлочных юртах (Ковалевский, 1956, с. 101.; Худуд-ал-алем, 1939, с. 210).

Другие авторы – Ибн-Хаукал, Ал-Идриси и Ал-Масуди – сообщают, что у огузов были и постоянные поселения, в которых они жили оседло (Ибн-Хаукал, 1939, с. 166-167). В этом противоречии источников, по мнению С.П. Толстова, нашли свое отражение различия между разными этническими компонентами огузского объединения, которые стояли на разных ступенях развития (Толстов, с. 70–102). По существующему ныне в литературе мнению, огузы представляли собой очень неоднородную массу, включавшую в себя остатки древних масс ирано-язычных, дахомассагетских и сармато-аланских племен и пришельцев племен, передвинувшихся в Приаралье и степи современной территории Казахстана (Толстов, 1938, с. 199). По свидетельству источников IX–XI вв., огузы занимали огромную территорию в степях к северу от низовий Сырдарьи, до Хазар, вокруг Аральского моря (Ковалевский, 1956, с. 178). Автор «Худуд-ал-алем» пишет, что вокруг Аральского (Хорезмского) моря «все места принадлежали огузам» (Худуд-ал-алем, 1939, с. 210). Ал-Истахри отмечает, что «с севера и запада Хорезм граничит с (землями) огузов» (Бартольд, 1965, с. 56).

Сведения об огузах, и о их образе жизни имеются у Ибн Фадлана. Направляясь к волжским Булгарам, он проехал через страну огузов и познакомился с ее населением. Рассказ Ибн Фадлана дает ценнейший материал для характеристики общественного строя огузов. У них налицо уже явное имущественное неравенство: с одной стороны, владельцы тысячи голов овец и лошадей, с другой – бедняки, выпрашивающие лепешки хлеба (Ковалевский, 1956, с. 101). Распространено было и рабство. Так, по свидетельству Ибн Фадлана, если заболит один из огузов, имеющий

рабынь и рабов, то они ухаживали за ним, если же он был рабом или бедняком, они бросают его в дикой местности и отъезжают от него. Управлялись огузы родовыми старейшинами, главный из которых носил титул «ябгу». Его заместитель именовался «козергин». Большим влиянием пользовался начальник войска, но его власть была невелика. Особым почтением пользовались также родовые старейшины и «главарь». У них и спрашивали совета в важных делах. Но в то же время старая родовая демократия еще была сильна. Дела решались «общим советом», причем, по словам Ибн Фадлана, даже после того, как решение состоялось, «приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и унижает то, на чем они сошлись» (Ковалевский, 1956, с. 159). Характерный для родового строя, обычай гостеприимства приобрел у огузов особые формы, в связи с посещением их страны купцами из других стран. Яркое описание этих обычаев дает рассказ Ибн Фадлана (Ковалевский, 1956, с. 161). Покойников огузы хоронили в большой могиле, куда вместе с умершим клали его имущество. Ибн Фадлан особо отмечает лук и деревянную чашу с опьяняющим напитком. Могилы покрываются деревянным настилом, наверху сооружают подобие юрты из глины (курган). На могиле помещают вырезанные из дерева фигуры лошадей, по числу убитых умершим врагов, надеясь, что они будут служить умершему в загробном мире.

Огузы, видимо, как и другие тюрки, почитали Бога Тенгри. По словам «Худуд-ал-алем», «...они поклоняются каждой вещи, которая (чем-нибудь) хороша и удивительна. Они почитают лекарей (шаманы), распоряжаются и жизнью, и имуществом их...» (Ковалевский, 1956, с. 160). Ибн Фадлан в своих рассказах об огузах отмечает также, что они проявляют определенный интерес к исламу, охотно слушают чтение Корана, расспрашивают об Аллахе и даже по-своему, по-тюркски, иногда молятся единому Богу (Ковалевский, 1956, с. 111).

Оживленные торговые контакты с кочевым и полукочевым миром важны были не только для Хорезма, но и для огузов, занимавших окраинное положение. В.В.Бартольд пишет, что самая оживленная торговля происходила в пограничных пунктах Хорезма, в числе которых письменные источники называют Гит (Пулжай) (Материалы по истории

туркмен..., 1939, с. 188) и Ургенч (Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 178). Кочевники сами пригоняли свои стада, не дожидаясь пока придут хорезмийские купцы в их степи (Бартольд, 1965, с. 564). Но эта торговля, как указывает ал-Истахри, происходила только в мирное время (Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 179–180). С другой стороны, все исторические сочинения X в. утверждают, что огузы время от времени совершали набеги на земледельческий Хорезм. По сообщению ал-Бируни, набеги степняков заставляли царей Хорезма каждую осень выходить с войсками к границам степи и охранять от них пределы своего государства (Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 219). «Война с огузами, пишет С.П. Толстов, – явление повседневного быта хорезмийцев X в.» (Толстов, 1948, с. 244). К концу X в. все чаще стали возникать политические конфликты между огузами и правителями огузских племен, находясь на торговом пути в Поволжье, вступая в военные союзы с русскими князьями, становятся серьезной угрозой для Хорезма, издавна связанного с Хазарией и опасавшегося захвата ее другими государствами. По этому поводу С.П. Толстов пишет, что успехи Хорезма в Поволжье были достигнуты благодаря непрерывным войнам с сильными соперниками – северными соседями Хорезма, тюрками-огузами, территория которых лежала из пути Хорезма на Волгу (Толстов, с. 246), а также, что «...к правлению Текеша относится темное свидетельство Гарнати о сорокалетней борьбе Хорезмшаха Аллауддина с гузами за город Саксин в низовьях Волги...» (Бартольд, 1948, с. 275). Однако, в основном, отношения огузов с Хорезмом были мирными. Так, В.В. Бартольд указывает, что «в документе, написанном в 1156 г., Хорезмшах Атсыз напоминает Дуданбеку, что он, хорезмшах, часто оказывал гузам гостеприимство в Хорезме, очевидно, они приходили туда (в Хорезм) на зимовку, как в XI в. при Алтунташе» (Бартольд, 1965, с. 582). На основании сообщений письменных источников можно составить достаточно ясное представление об устюртских торговых путях, шедших из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье, а также морской путь на Нижнюю Волгу. Устюрт в средние века пересекало два караванных пути, один из которых шел из Ургенча через Замджан, называемой «Воротами

тюрок» (Баб-ат-тюрк), и селение Хабаб (Ковалевский, 1956, с. 158). Затем дорога поднималась на плато Устюрт, как полагал Я.Г. Гулямов (Гулямов, 1957, с. 139), по одному из наиболее удобных подъемов Караумбетскому, далее шла на Эмбу, а оттуда к Волге, разветвляясь на два пути, к хазарам (Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 178) и к булгарам. Другая дорога шла из Ургенча на запад, поднималась (подъем Каскажол) на плато Устюрт и, обходя сор Барсакелмес, направлялась на Мангистау, отсюда по Каспийскому морю плыли до Нижней Волги (Бартольд, 1965, с. 56).

Устюртский караванный путь из Хорезма в Поволжье, известен нам благодаря подробному описанию этого пути Ибн Фадланом. Караван, с которым следовал Ибн Фадлан в 922 году прошел через Ургенч к Устюрту, затем на Эмбу, Жайык (Урал) к Самаре до Булгар. Гардизи, автор XI в. описывая путь, идущий из Хорезма (Ургенча) через Устюрт к печенегам, пишет: «Дорога к ним на гору Хорезм, от этой горы идет к печенегам, подходит к озеру Хорезма, оставляя озеро по правую руку, далее через степи до печенегов» (Бартольд, 1965, с. 45). Караванные пути, судя по всему, в это время еще не были оборудованы караван-сараями (трудно предположить, чтобы Ибн Фадлан не заинтересовался ими и не описал их).

Возросшее к XII–XIII вв. значение интересующего нас торгового пути подчеркивается стремлением Хорезма к захвату Мангистау. В.В. Бартольд по поводу этой дороги пишет, что в XII в. единственным государством, которое могло думать о захвате этой дороги, был Хорезм (Бартольд, 1965, с. 582–588). Степные дороги по Устюрту обеспечивались сетью колодцев и караван-сараяв. Огузы и печенеги – кочевые скотоводы – как и раньше, нуждались в этой торговле, поставляя в обмен на необходимые им товары продукты кочевого хозяйства. После первой четверти XIII в. развитие интересующей нас территории было временно прервано монгольским завоеванием. Войдя в состав Золотой Орды, Хорезм заново начал экономически развиваться. Во второй половине XIII в. его ирригационная система, если не вся, то, во всяком случае, в большей своей части, была восстановлена (Бартольд, 1965, с. 587). Начало возрождаться и ремесленное производство. Вместе с ростом ремесла оживилась городская жизнь

Хорезма. Как сообщают письменные источники, чингизиды, утвердившись у власти, начали восстанавливать города, разрушенные ими при завоевании, и даже строить новые. Тогда же начали налаживаться прежние торговые связи Хорезма с другими областями. Так, по свидетельству Ибн ал Асира, почти сразу же восстановился торговый путь в Дешти-Кипчак, заброшенный во время походов на него Джебе и Субедея (Якубовский, 1930, с. 28).

Наиболее ранние упоминания о некоторых археологических памятниках Устюрта имеются в труде персидского историка XV в. Мирхонда (Мухаммед ибн Хавандшах ибн Махмуд) «Раузат ас сафа» (Сад чистоты) (Мирхонд, 1939, с. 538), а также в сочинении внука Мирхонда и продолжателя его трудов, талантливого историка конца XV – начала XVI вв. Хондемира (Гийяс ад-Дин ибн Хумад ад-Дин Мухамад Хаванд Амир). Так, например, в рассказе Хондемира о походе султана Хусейна в 1460 г. впервые упоминаются Адак и Везир (Бартольд, 1965, с. 67). Упоминание тех же крепостей имеется у Мирхонда (Мирхонд, 1939, с. 539). Описание Везира и его окрестностей в дни его процветания мы находим у английского путешественника А. Дженкинсона (Английские путешественники..., 1937, с. 176–177). Эти крепости (Адак и Везир) упоминаются также в трудах хивинских историков конца XVIII – начала XIX вв., в частности, в книге хана – историка Абулгази (Гулямов, 1957, с. 173–174) и в хивинской хронике Мунисы и Агахи (Гулямов, 1957, с. 188). Древнерусские летописи также отмечают, что в золотоордынский период продолжали функционировать те же два основных пути на Ургенч, которые были известны на Руси и до чингизидов, во-первых, через Саксин и позднее Астрахань, и, во-вторых, степью через Яик (Рогожская летопись (Лурье, 1976, с. 37–38), Никоновская летопись XIV в.). Во время Золотой Орды караванные пути находились в благоприятных условиях. В этом отношении интересно сообщение Ибн Арабшаха, характеризующее торговые пути этого времени: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут к себе на телегах спокойно до самого Крыма... Караваны не брали с собой проводников вследствие многочисленности (тамошних) народов, да обилия безопасности, еды и питья у (живших там) людей».

Ю.А.Якубовский пишет, что в течение почти 150 лет Золотая Орда обеспечивала караванной торговле благоприятные условия (Якубовский, 1931, с. 91).

Насколько велика была в это время роль Хорезма в международной торговле, можно судить по данным Бальдуччи Пегалотти, агента Флорентийской торговой фирмы. В своем наставлении купцам, написанном около 1340 года, он отметил, что в Ургенче в его время можно было закупить все интересные для европейского рынка товары» (Бартольд, 1965, с. 62–64).

Рассмотрим историю исследования археологических памятников. Рассмотрение сложного и противоречивого комплекса письменных источников неоднократно становилось предметом специальных источниковедческих и исторических исследований. Сразу необходимо оговориться, что весь огромный и сложнейший массив письменных свидетельств по истории взаимоотношений государств X–XIV вв. не является непосредственно темой. Эта работа в значительной степени проделана и проделывается, как отечественными, так и зарубежными специалистами на протяжении более 150 лет. Для нас представляют интерес, оригинальные сообщения, связанные с рассматриваемым в статье регионом. Традиционно историю исследования памятников источников рассмотрим – на исследования памятников Устюрта до начала XX в.,

В конце XVII в. начинается активное экономическое и политическое проникновение царской России в Среднюю Азию. Рост интереса России в первой половине XIX в. к среднеазиатскому рынку сопровождался усилением деятельности русских дипломатов в среднеазиатских ханствах, а также началом мирового научного изучения политического и экономического состояния ханства, караванных путей в Среднюю Азию, ее водных артерий и т.д. (История Узбекской ССР, 1956, с. 81).

Наиболее ранние сведения об археологических памятниках Устюрта мы находим на картах, составленных А.Бекович-Черкасским. Они считаются наиболее правильными и точными для первой половины XVIII в. (Княжеская, 1964, с. 94). На «чертеже, тушованном разными красками», составленном А. Бекович-Черкасским и его помощниками, отмечена башня Караумбет (Княжеская, 1964, с. 112).

В 1732 г. в Хиву через Устюрт была отправлена торговая миссия во главе с И.Гербером, отметившим на плато развалины трех городов. Первый – Ирнак – находился в районе Мынсуалмас, второй – в урочище Дзясле, третий – в районе песков Сам, известный под названием Дели-урус (Григорьев, 1870, с. 46–47). О наличии развалин городищ у Мынсуалмас оставил сведения также самарский купец Д. Рукавкин, направлявшийся в Хиву в 1753 г. (Руссов, 1840, с. 35–36).

Значительный материал по истории Оренбургского края и прилегающих к нему степей имеется в книге «Топография Оренбурга» коллежского советника и корреспондента Императорской Академии Наук Петра Рычкова (Рычков, 1762, с. 59–60). Книга изобилует различного рода сведениями – историческими, географическими, геологическими, этнографическими, торговыми, военными и т.п. – и выходит за пределы собственно Оренбургской губернии, включая некоторые сведения о Средней Азии, в частности, об Устюрте. Описаны караванные пути из Средней Азии, а вместе с тем и связанные с ними памятники, такие, как Сарайчик, Бокачи, Учкан, Чурук, Белеули.

В 1825–1826 гг. для изучения Устюрта снаряжается первая русская научная экспедиция под руководством Ф.Ф.Берга. В материалах этой экспедиции имеются данные о направлении торговых путей через плато, о развалинах Белеули, городища Давлетгирей (Курганча) на западном берегу Аральского моря и аналогичного памятника между заливами Улы-Кулмагыр и Киши-Кулмагыр (Первые русские научные ..., 1963, с. 102–103, 213). В более поздних исследованиях об этом городище не упоминается. Возможно, оно было разрушено в результате оползней чинка Устюрта (Древняя и средневековая культура..., 1978, с. 10).

В 1832 г. вышла книга А. Левшина, в которой несколько страниц уделено путям сообщения через Устюрт и его историческим памятникам. Особый интерес представляет перечисление всех караван-сараяев, начиная от Сарайчика до Ургенча, и караванных путей. Тут же мы находим упоминание о развалинах Давлетгирея. О караван-сараяе Белеули Левшин пишет: «Строения сии еще не совсем сохранились донныне. Они были сделаны из каменных плит с кирпичными сводами. При

них находился колодец глубиной сажень в 30. Стена, окружавшая сие строение, составляла род замка и имела 4 ворот, покрытых сводами» (Левшин, 1832, с. 210). Аналогичные сведения имеются и в очерке П.И. Небольсина. Анализируя состояние торговли Средней Азии с Россией в середине XIX в., автор характеризует караванные пути через Устюрт и попутно упоминает о некоторых археологических памятниках. Он приводит краткое описание городища Курганча (Давлетгирей) и башни на плато: «Бековича крепость, называемая хивинцами Давлетгирей, а киргизами Курганче. Она верстах в двух от моря. Теперь сохранилась только одна стена и под ней колодец, а сверху остаток шихана – род башенки, насыпь или кучка глины, сделанная, сколько можно судить, для дозора». Из памятников центрального Устюрта он выделяет караван-сарай Белеули (Небольсин, 1855, с. 109–111).

В 1842 г. по Восточному чинку Устюрта в Хиву направился Ф.И. Базинер. Он приводит краткое описание руин Давлетгерей, Урги и 12 башен. Ф.И. Базинер считает, что эти укрепления служили караван-сараями и были связаны с башнями (Древняя и средневековая культура..., 1978, с. 11).

В 1853 г. подпоручик Алексеев производил топографическое описание северной части Устюрта. Во время исследования им были отмечены развалины Уйоба, по-видимому, сигнальной башни. Он упоминает также о развалинах крепости, очевидно, караван-сарая Коскудук у Мынсуалмас и дает описание старых казахских мавзолеев (Первые русские научные..., 1964, с. 251–265).

О сигнальной башне на Устюрте вблизи озера Айбугир сообщает участник посольства 1858 г. в Хиву Е. Килевейн. Возведение этой башни, как и многих других, приписывались местными жителями А. Бекович-Черкасскому, однако Е. Килевейн указывает, что эта башня обозначена еще на карте греческого путешественника XVIII в. Ватаци и относится к более древнему периоду (Килевейн, 1861, с. 5–11).

В 1803 г. директором Оренбургской таможни П.Е. Величко было составлено «Описание хивинского ханства и дорог туда из Сарайчиковой крепости», в котором автор весьма подробно рассматривает пути в Хиву через Устюрт. Одновременно отмечены развалины крепостей и караван-сарай вдоль дорог. При П.Е. Величко это описание не вышло в

свет, и лишь В. Григорьев издал его в 1861 г., снабдив своими ценными комментариями (Григорьев, 1861, с. 112–115).

О развалинах крепости Девлетгерей сообщает М.Н. Галкин, следовавший в 1858 году через Устюрт по западному берегу Аральского моря из Оренбурга в Хиву (Галкин, 1868, с. 311).

Участники Хивинского похода 1873 г. Ф.И. Лобысевич и Н.И. Гродеков сообщают о развалинах древней крепости Алан на Устюрте, сооружение которой казахи приписывают Тимуру (Гродеков, 1888, с. 237; Лобысевич, 1873, с. 47–66).

М.Алиханов-Аварским описана башня Караумбет и городище Алан, строительство которых приписывалось Давлетгирею или Тимуру (Алиханов-Аварский, 1899, с. 109–111).

Подробное описание Давлетгирей дает другой участник Хивинского похода 1873 года (Д.К., 1873, с. 11). К этому же времени относятся сведения о развалинах Девкескен, собранные Л.Ф.Костенко (Костенко, 1880, с. 197).

О некоторых археологических памятниках Устюрта имеются упоминания в работах русских географов и геологов конца XIX и начала XX вв.

В 1876–1877 гг. под руководством Н.Г. Петрусевича была организована экспедиция для исследования старых русел Амударьи и Сарыкамышской котловины. Н.Г. Петрусевич упоминает о развалинах Девкескен и Адак (Петрусевич, 1878, с. 252).

Большой интерес представляет работа полковника Белявского, пересекавшего Устюрт дважды, в 1884 и 1885 гг. У него мы находим упоминание о караван-сараях Учкудук и об одноименном колодце: «Место их расположения обозначается белой, издали видною могилой. Там же имеются остатки небольшой калы». Им отмечены также башни у спуска Тайлы: «Вправо от спуска Тайлы, по берегу чинка находятся развалины сторожевой башни, которая видна верст за пять, не доходя до нее». Он упоминает о развалинах башни у спуска Караумбет и дает краткое описание развалин Алан-кала: «Около родника развалины калы около 10 сажень в квадрате из каменных плит песчаника и известняка неправильной формы; высота стен 6 и толщина 2,5 аршин» (Дополнительные сведения о пути..., 1887, с. 180–201).

Рис. 1. Расположение караван-сараев Устюрта. 1 – Учкудук; 2 – Ажикелди; 3 – Косбулак; 4 – Белеули; 5 – Чурук; 6 – Кусшы; 7 – Коптам; 8 – Коскудук; 9 – Уали; 10 – Ман ата.

Fig. 1. Location of the Ustyurt caravanserais. 1 – Uchkuduk; 2 – Azhikeldi; 3 – Kosbulak; 4 – Beleuli; 5 – Churuk; 6 – Kussy; 7 – Koptam; 8 – Koskuduk; 9 – Uali; 10 – Man ata.

В 1892 г. Общество Рязанско-Уральской железной дороги снарядило экспедицию в Зауральские степи и Устюрт для выяснения вопроса о возможности прокладывания железнодорожных линий от района реки Урала до Аральского моря через Устюрт. С.Н. Никитин в главе «Устюрт и пути к Кунграду» подробно описывает все известные ему дороги через плато Устюрт, указывает пункты – колодцы и исторические памятники, через которые эти дороги проходят, самым тщательным образом наносит все эти данные на приложенную к сочинению карту (Никитин, 1893, с. 43–86). Повторяя маршруты С.Н. Никитина с той же целью, инженер А.Н.Рябинин в 1899 г. прошел Прикаспийские степи и Устюрт – от реки Урал до низовьев Амударьи и издал в 1905 г. свои путевые наблюдения. Путь его лежит через Сагыз и Эмбу (у Бокачи) через три ключа Учкан, затем урочище Устюрта – Мынсуалмас и Туйемойыншапкан, через колодцы Кусшы, Чурук, Белеули, Косбулак, Учкудук на спуске Шыбынды (Рябинин, 1905, с. 37–38).

И, наконец, в 1910 г. вышла работа И.А. Кастанье «Древности киргизской степи и Оренбургского края». В ней автор ничего нового не рассказал, но, собрав отрывочные материалы о жизни этого края, разместил их в

надлежащем порядке и в таком виде издал. Он приводит выдержки из сообщений А. Левшина и В. Григорьева (Кастанье, 1910, с. 98–99, 188–190).

Особо надо отметить, что с этого времени внимание ученых привлекают кремневые находки. Так, М.В.Баярунас в опубликованной в 1916 г. статье «К геологии Гурьевского уезда Уральской области» отмечает находки кремневых орудий вместе с обломками раковин *Didacna trigonides* в урочище Мынсуалмас у подножия северных чинков Устюрта (Баярунас, 1916, с. 72–74). Несмотря на крайнюю скудость, сведения об археологических памятниках интересующей нас региона были привлечены в работах крупнейшего русского ориенталиста В.В. Бартольда; на основе источников описываются некоторые археологические памятники (Пулжай и др.), делается попытка локализации городища Адака, Везира (Бартольд, 1965, с. 92). Но слабая археологическая изученность этой области не позволила сделать это достаточно точно.

Таким образом, до начала XX в. сведения об археологических памятниках сводились к попутным упоминаниям или кратким описаниям. Сбор сведений носил случайный харак-

тер. На карты наносились наиболее крупные сохранившиеся каменные постройки. Вопрос о датах картированных и охарактеризованных памятников, их значении для понимания исторического прошлого оставался открытым. Для определения функционального назначения и времени возведения сооружений привлекались лишь легенды и предания. Установление функций каменных построек только в некоторых случаях (например, Ф.И. Базинер о башнях и караван-сараях по Восточному чинку) соответствовало материалам археологических исследований последних лет.

Результаты археологических исследований в караван-сараях Устюрта дали богатый и разнообразный материал для характеристики поселений и других памятников, существовавших в X–XIV вв. Основное внимание археологов, было направлено на выяснение стратиграфии, топографии и хронологии караван-сарая и отдельных памятников. Изучение памятников в плане их исторической интерпретации, уточнение их хронологии позволило выдвинуть гипотезу о регулярном экономическом обмене между земледельческим, ремесленным Хорезмом с одной стороны и кочевой степью, и государствами Восточной Европы – с другой.

На основе средневековых источников намечены два направления торговых путей из Хорезма: на северо-запад и на побережье Каспия. В XIII–XIV вв. первый путь служил основной караванной артерией, связывавшей Восток с Западом. Путь от Сарайчика до Ургенча издавна привлекал внимание исследователей и довольно хорошо известен. По всей трассе этой караванной дороги, отрезок которой шел из Сарайчика прямо на восток до р. Сагиз, через которую был устроен брод из обтесанных камней, пролегал по пустынным безводным районам. На расстоянии, примерно соответствующем одному дневному переходу, были построены караван-сарай (Байпаков, 2016, с. 14).

После арабских завоеваний на Востоке складывается достаточно стандартный и хорошо узнаваемый тип постоялого двора, предназначенного для купеческих караванов. В арабских странах такие постройки назывались *караван-сарай*, то есть дворец для караванов, а в областях, где преобладали тюркские языки к ним применялось название *хан*.

Также известен такой термин как *фундук*, но он чаще применяется к городским постоянным дворам (Зиливинская, 2018, с. 24). В первые века Хиджры, во время арабских завоеваний, на Востоке возводились крепости для борцов за веру *газиев*, которые назывались *рибаты*. Впоследствии, в более спокойные времена, они превращаются в придорожные гостиницы, часто сохраняя название *рибат* или *рабат* (Немцева, 1983, с. 139–141.; Хмельницкий, 1992, с. 180.; Hillenbrand, 1994, р. 331–332). В XI–XII вв. в постоянные дворы были перестроены и некоторые замки (кешки) (Пугаченкова, 1958а, с. 166–167). Караван-сарай возводились вдоль караванных путей на расстояниях, которые равнялись дневному переходу (около 35–45 км.). Эти постройки сохранили вид хорошо укрепленных крепостей с мощными стенами и единственными воротами. Углы могут быть фланкированы круглыми башнями, а к стенам пристроены полубашни. Прямоугольник стен окружает обширный двор, внутри которого вдоль стен тянутся галереи помещений различного назначения: стойла для вьючных животных, складские помещения для товаров, комнаты для гостей. В хорошо благоустроенных караван-сараях были сделаны банные помещения, и почти всегда находилась мечеть. Некоторые крупные караван-сарай, такие как, например, Рабат-и Малик (особенно во втором периоде), действительно напоминали загородные дворцы и, вполне возможно, в составе помещений имели покои, в которых останавливались правители и другие важные гости во время путешествий. Для защиты караванов от разбойников в придорожных гостиницах мог быть небольшой военный гарнизон. Рядом обязательно находились источники воды – колодцы или сардоба. Караван-сарай играли важную роль не только для торговли, но и для всей системы коммуникаций в средние века. Часто с караванами купцов пускались в странствие дипломаты, паломники, просто путешественники (Зиливинская, 2018, с. 32).

В период правления золотоордынского хана Узбека (1312–1340 гг.) приоритетным караванным сообщением становится дорога через плато Устюрт, обустроенная грандиозными, хорошо укрепленными гостиницами дворами – караван-сараями. Теперь торговые караваны из Ургенча попадали в город Сарайчик

на реке Жайык (Урал), и далее направлялись в столицу Золотой Орды, город Сарай-Бату на Волге. Укрепленные «гостиницы» – караван-сарай – были привязаны к колодцам или искусственно созданным хранилищам – водонакопителям сезонных осадков, располагавшимся на расстоянии одного или двух дней перехода каравана. Главная постройка в виде небольшой крепости служила гостиницей для купцов и состоятельных путешественников. Здесь имелись небольшие комнаты, кухня, столовая, возможно, баня, а также складские помещения для хранения перевозимых товаров. Караван-сарай выполняли и роль почтовых станций, где гонцы могли обменять лошадей. Небольшой военизированный отряд, расквартированный поблизости, был призван охранять и контролировать торговую трассу на этом участке. Вблизи караван-сарая возникали небольшие селения для обслуживающего персонала – погонщиков, охранников, мигрирующего населения. На сегодня на плато Устюрт известно 10 караван-сарая – Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук, Кусшы ата, Коптам (Белдеули) и у родника Коскудук (Есетбулак), также в направлении Каспийского моря расположены Уали и Маната. Караван-сарай вытянуты по прямой с юго-востока на северо-запад. Между крайними обследованными памятниками расстояние составляет около 270 км.

С юго-восточного чинка Устюрта первым располагается караван-сарай **Учкудук**. Памятник расположен на северном крае Барсекельмесской котловины, в 10 км восточнее ж/д разъезда Абадан. Без раскопок читается прямоугольник сильно оплывших стен со значительным понижением в центральной части. Караван-сарай размером 31,70×28,45–28,65 м ориентированной по сторонам света. Стены шириной 0,76–0,84 м сохранились на высоту 1–1,5 м. они возведены из вертикально поставленных плит размером 0,8–1,14×0,8–1,0×0,11–0,28 м на алебастровом растворе. Углы фасадной стороны оформлены башнями круглой в плане диаметром 1,85–1,88 м. Они сложены из плит толщиной 0,25–0,34 м. Башни обмазаны тонким слоем алебастрового раствора. Вход шириной 4,7 м располагается в середине южной стены. По его бокам расположены пилоны длиной 2,07–2,10 м, выступающие из плоскости стен на 0,42–0,47 м. На расстоянии 2,22 м от фасадной стороны пило-

нов вход становится уже и достигает ширины 3,9 м. Центральную часть памятника занимает двор размером 18–18,1×21,3 м, связанный проходами почти со всеми жилыми и хозяйственными помещениями. Вдоль западной и восточной стен расположено по семь жилых помещений. Вдоль северной стены вытянуто помещение – двор размером 26,9×3,8 м. Оно отделено от внутреннего двора стеной шириной 0,9 м. Во время раскопок были найдены фрагменты неполивных терракотовых плит с резьбой, возможно, они были составными частями украшения свода порталной ниши. Западнее от караван-сарая открыт карьер по добыче камня (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

В 25 км северо-западнее от памятника, на дне большой котловины глубиной 6–7 м по отношению окружающей местности, расположен следующий караван-сарай – **Ажикелди**. Караван-сарай прямоугольной формы, размером 29,3×24,3 м ориентирован углами по сторонам света. Стены шириной 0,65×0,90 м построены из глиняных кирпичей со значительной примесью песка размером 27–29×27–29×5 см. Въезд шириной 3,8 м находится в середине юго-западной стены. По бокам въезда выступают пилоны размером 1,113–1,22×0,6 м. На расстоянии 1,117 м от фасадной стороны пилонов ворота становятся уже на 0,48 м. Длина ворот – 5,48 м. На углах фасадной стены – башни диаметром 1,05 м. О наличии башен на северо-восточной стене можно высказать только предположение. Центральную часть караван-сарая занимает двор размером 19,3×15,3 м, из которого ведут проходы во все жилые и хозяйственные помещения. Всего в караван-сарая насчитывается 18 помещений (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

Караван-сарай **Косбулак** расположен от Ажикелди в северо-западном направлении на 33 км. Его название от пяти одноименных колодцев. Он, как и предыдущий, ориентирован углами по сторонам света. Его размеры – 39×33,5 м. Въезд шириной 3,7 м находится в середине юго-западной стены. По его бокам расположены пилоны шириной 2,95 м, выступающие из плоскости стен на 0,4 м. Углы фасадной стороны оформлены крупными в плане башнями диаметром около 6,4 м. Стены караван-сарая построены из кирпичей размером 22×22×5, 28–30×6–8 см. Кирпич сформо-

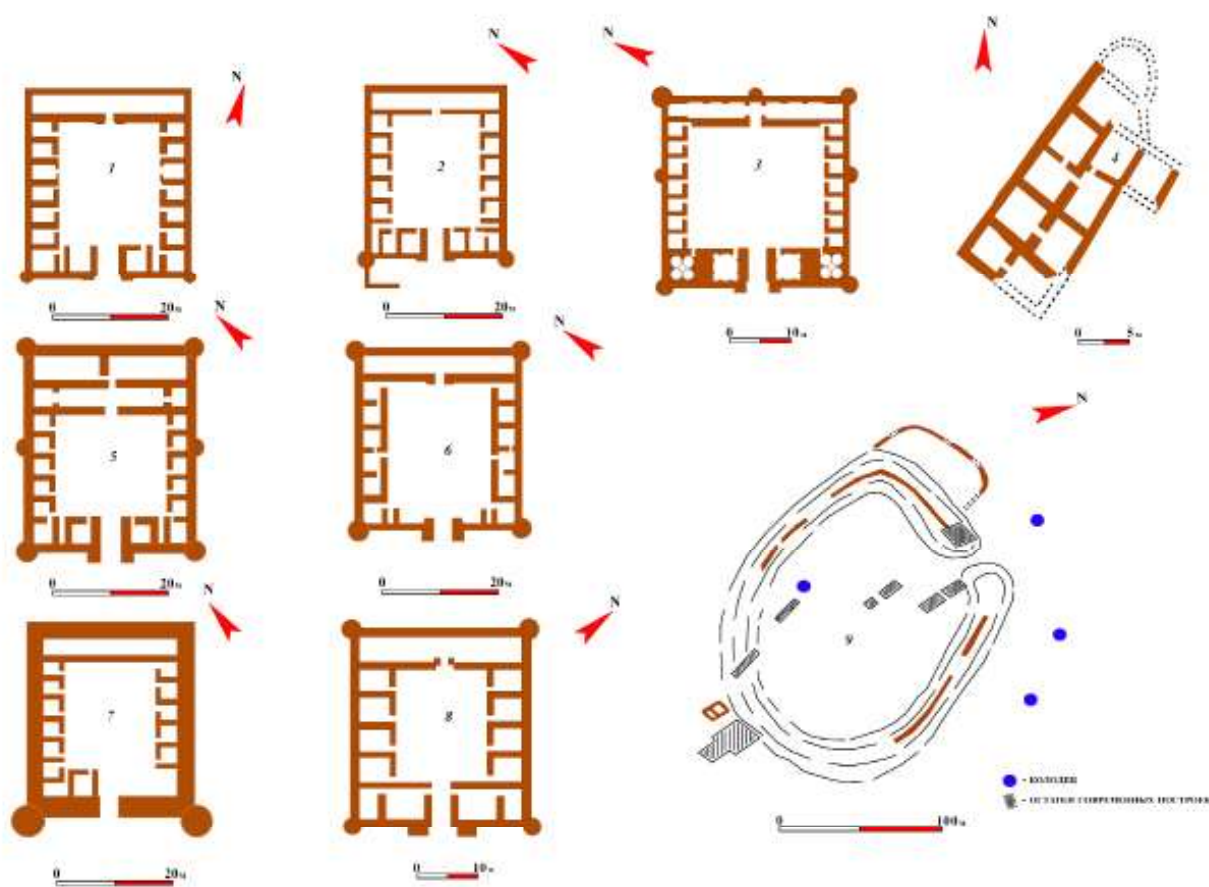

Рис. 2. Планы караван-сараяв плато Устюрт. 1 – Учкудук (по Ю.Маньлову и Н.Юсупову); 2 – Ажикелди (по Ю.Маньлову и Н.Юсупову); 3 – Коскудук (по А.Астафьеву и М.Калменову); 4 – Ман ата (по Ю.Маньлову и Н.Юсупову); 5 – Белеули (по Ю.Маньлову и Н.Юсупову); 6 – Чурук (по Ю.Маньлову и Н.Юсупову); 7 – Косбулак (по Ю.Маньлову и Н.Юсупову); 8 – Коптам (по Ю.Маньлову и Н.Юсупову); 9 – Уали (по Ю.Маньлову и Н.Юсупову).

Fig. 2. Plans of caravanserais on the Ustyurt plateau. 1 – Uchkuduk (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 2 – Azhikeldi (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 3 – Koskuduk (according to A. Astafyev and M. Kalmenov); 4 – Man ata (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 5 – Beleuli (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 6 – Churuk (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 7 – Kosbulak (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 8 – Koptam (according to Yu. Manylov and N. Yusupov); 9 – Uali (according to Yu. Manylov and N. Yusupov).

ван из местной глины, в которой содержится значительное количество песка. Толщина наружных стен различная – от 2,8 до 3,8 м. Центральную часть занимает двор размером 18,55–18,60×26,3–27,1 м, который связан проходами шириной 0,96–1,00 м со всеми жилыми и хозяйственными помещениями (Маньлов, 1982, с. 125; Маньлов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

Караван сарай **Белеули** размером 35,3×29 м находится в 54 км северо-западнее колодцев Косбулак и ориентирован углами по сторонам света. Стены памятника толщиной 1,0–1,2 м возведены из прямоугольных плит известняка разных размеров. Углы караван-

сарая укреплены башнями, круглыми в плане, диаметром около 3,2 м. Внутрибашенные помещения отсутствуют. В средних частях северо-западной и юго-восточных стен отмечены полукруглые башни, выступающие из плоскости стен на 1,32 м. Въезд в караван-сарай, находится в середине юго-западной стены между двумя прямоугольными пилонами размером 2,01×1,92 м. Расстояние между ними – 3,8 м. Портал возвышается на 1,66 м. Пилоны служили опорой свода стрельчатых очертаний, перекрывающего пространство 3,8×1,90–1,92 м. Высота сводчатого проема равна 6,66 м, высота арки от уровня пят до щипца – 2,8 м. В тимпанах арок до 1972 года

находились барельефные изображения львов. Плиты размером 0,98×0,82 м, на которых они выполнены, имеют прямоугольные очертания с одним срезанным углом. Центральная часть караван-сарая занята двором размером 19,2-19,3×17,8 м, в средней части которого наблюдается понижение. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен расположено по семь помещений. В 50 м северо-восточнее караван-сарая зафиксировано восемь сардоб. В 350 м северо-западнее от памятника расположен некрополь, занимающий площадь 2,5 га. Около 600 м в том же направлении расположены пять карьеров по добыче известнякового камня (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

Следующий караван-сарай **Чурук** расположен у одноименных колодцев в 54 км северо-западнее от караван-сарая Белеули. Памятник размером 31,70×29,55 м с круглыми башнями на углах диаметром 2,72–2,80 м, ориентирован углами по сторонам света. Башни построены из плит плотного известняка длиной по окружности 0,60–1,18 м и толщиной 0,23–0,44 м. Плиты в башнях выложены только по окружности. Наружные стены караван-сарая шириной 1,1 м возведены из плит известняка длиной 0,76–0,87, 1,28–1,38 м и толщиной 0,20–0,45 м. Вход расположен в середине юго-западной стены между двумя пилонами размером 2,02×2 м. Длина ворот выслежена на 3,5 м. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен расположено по шесть помещений. Среднюю часть караван-сарая занимает двор размером 24,8×19 м. В его южном и западном углах расположены лестницы шириной соответственно 1,12 и 1,30 м. Лучше сохранилась лестница в южном углу (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175–186).

Из всех перечисленных памятников хуже других сохранился караван-сарай **Кусшы ата**, расположенный у юго-восточной кромки песчаного массива Сам. Памятник расположен на южном борту песков Сам (Калменов, 2007, с. 278–282; Калменов, 2012, с. 65–70). На данный момент здесь располагается некрополь, в который насчитывается около 300 надгробных памятников: саганатамы, койтасы, кулпытасы (надгробные сооружения казахов), ограждения из необработанных камней и средневековых красных кирпичей. Особо выделяется 5 мавзолеев с куполом, которые

датируется XVIII – началом XX вв. Недалеко от некрополя расположена группа колодцев, которые имеют более и менее пресную воду на глубине 4–12 м (Вялов, 1934, с. 136). Местами встречаются фрагменты сероглиняной штампованной керамики золотоордынской эпохи, то, что в постройках погребальных памятников нового времени в очень большом количестве присутствуют средневековые красные кирпичи, говорит о том, что в средневековье здесь была крупная постройка. В «Журнале расспросов Экспедиции 1825–26 гг.» при определении пути от Сарайчика в Хиву упоминается колодец Кушчи, но о каких-либо строениях нет никакого упоминания (Первые русские научные ..., 1963, с. 68–82). Почему мы считаем, что здесь был караван-сарай? Во-первых, место находится на транзитном пути от Хорезма, во-вторых, Кусшы находится между Чуруком и Коптамом. Караван-сарай Чурук расположен к юго-востоку в 35 км, а караван-сарай Коптам на 46 км к северо-западу, исследованные караван-сарай Каракалпакии расположены на расстоянии 25–57 км, то есть в однодневном пути для вьючих караванов. На основе расположения объекта на караванном пути, выявления средневековых кирпичей в постройках надгробных памятников в некрополе, и наличия в подъемном материале фрагментов золотоордынской керамики, а также колодцев, предполагаем, что в средние века (XIV вв., на основе керамики) в этом месте был караван-сарай. Важные результаты были получены в 1997 г. когда здесь побывала Казахстанско-Каракалпакско-Французская археолого-этнографическая экспедиция. Одной из особенностей данного комплекса является использование в поздних памятниках XVIII–XIX вв. (мавзолеях, оградках, ступенчатых надгробиях) обожженных кирпичей средневекового стандарта. Тогда местные жители показали «источник» этих кирпичей – расположенный в 150–200 м к северу от некрополя холм, подквадратной в плане формы, размером 25×30 м. Поверхность его покрыта в большом количестве обломками квадратных жженных кирпичей с размерами: 22–23×22–23×5–5,5 см. Здесь же встречаются фрагменты керамики, в том числе относящиеся к хорезмшахскому времени. Обнаруженный памятник, является остатками караван-сарая, функционировавшего в

системе торговой трассы Хорезм – Поволжье. Достаточно убедительно об этом свидетельствует оптимальное местоположение данного пункта, как недостающего звена в ряду выявленных уже караван-сараев трассы (Ажигали, 2002, с. 528). Судя по рвам, оставшимся после выборки кирпича, караван-сарай имел квадратную в плане форму и размер 25×25 м.

Следующий после Кусшы ата памятник – караван-сарай **Коптам (Белдеули)**. Памятник располагается в 20 км к северо-западу от населенного пункта Туруш (Калменов, 2007, с. 278–282; Калменов, 2012, с. 65–70). В 2011 году были произведены археологические раскопки (Кожа, Самашев, 2014, с. 486–489; Онгарулы А. и др., 2017, с. 51–54). Остатки караван-сарая располагаются в центре обширной котловины, на дне которой имеется пять колодцев, два из которых засыпаны, остальные три – с водой. На топографической карте местность и колодцы носят название Бескудук. В каменном бутовом заполнении стен местами используется обожженный кирпич $26 \times 26 \times 5$ см. Максимально развалы стен возвышаются над современной поверхностью на 1,4 м. Участок фундамента караван-сарая на месте входа сильно разобран на камень. Караван-сарай имеет правильную четырехугольную форму 27×24 м с ориентацией длинной оси по линии СЗ–ЮВ. Вход устроен в середине юго-восточной стены. Его предполагаемая высота около 3 м, а протяженность 7 м. Фундаменты пилонов порталной арки полностью разобраны, но, вероятно, сохранили свои очертания по бутовому заполнению. Толщина внешних стен составляет 1,1 м, за исключением боковой юго-западной, имеющей толщину 0,9 м. Фасадные углы караван-сарая оформлены башнями круглой в плане формы. Почти полностью сохранился фундамент северной башни, имевший диаметр 2 м. Наличие остальных башен подтверждается упавшими крупными облицовочными плитами с округлой обработкой лицевой стороны. У восточной башни упавшая облицовка просматривается на длину в 4 м. Помещения внутри башен отсутствуют. Внутренняя планировка помещений караван-сарая местами прослежена по остаткам фундамента, местами воспроизведена зеркальным повторением согласно оси симметрии устройства всего сооружения. Справа и слева от входа располагаются по две комнаты размером $5,1 \times 4,2$ м

и $2,7 \times 4,2$ м. Между комнатами правого крыла, вероятно, была устроена каменная лестница шириной 1,25 м. Дверные проемы помещений, скорее всего, устраивались на углу со стороны главного входа. Караван-сарай имеет обширный четырехугольный двор 17×14 м. Во двор выходят все дверные проемы бытовых и хозяйственных помещений. Современная поверхность двора имеет блюдцеобразное понижение. Вдоль северо-восточной и юго-западной стен постройки устроены небольшие жилые помещения, по 4 у каждой стены. Конструктивно стены помещений выполнены из массивных обработанных плит известняка, установленных вертикально в два ряда с бутовым заполнением. Ширина стены со стороны двора и перегородок составляет 0,8–0,9 м. Средние размеры помещений $4,3 \times 3,2$ м. Со стороны двора с востока, по плоскости поперечных стен помещений, устроены дверные проемы шириной 0,8–0,9 м. Вдоль всей задней стены устроено помещение, вероятно, имевшее хозяйственное назначение. Это помещение отделено от двора стеной толщиной 1 м с одним центральным проходом шириной 1,25 м. Вход со стороны двора был оформлен, вероятно, утопленной аркой шириной 2,6 м, глубиной 0,7 м. С внутренней стороны проход оформлен двумя прямоугольными тропками $0,8 \times 0,4$ м. Внутренняя ширина помещения составляет 3,3 м. Подъемный материал изобилует керамикой золотоордынской эпохи. Среди завала камней найден фрагмент резной глиняной штуки, выполненного из пластичной обожженной глины кремового цвета. Мы определили его как фрагмент тимпана. Как нам известно, в караван-сарае Белеули до 1972 года находились барельефные изображения львов. Плиты с размером $0,98 \times 0,82$ м, на которых они выполнены, имели прямоугольные очертания с одним срезанным углом (Толстов, 1958, с. 15; Манылов, Юсупов, 1982, с. 175). В 50–60 м северо-восточнее караван-сарая на небольшом возвышении имеются 5 скопления бутового камня от небольших разобраных построек.

Самой грандиозной постройкой на устюртском отрезке караванного пути являлся караван-сарай **Коскудук** (Калменов, 2007, с. 278–282; Калменов, 2012, с. 65–70). Его первые исследования были произведены экспедицией С.П. Толстова в 1950 г. (Манылов, 1982, с. 125; Манылов, Юсупов, 1982, с.

175–186). Памятник с хозяйственно-бытовыми постройками и синхронным кладбищем располагается на краю чинка плато Устюрт в северо-западной оконечности местности Мынсуалмас. Край чинка террасирован двумя невысокими уступами. Непосредственно под чинковым уступом, на удалении около 1,5 км на север от караван-сарая, находится родник Есетбулак с малым дебитом воды. В районе родника встречаются фрагменты красноглиняной станковой керамики. Здание караван-сарая возведено почти на краю верхней террасы с небольшим понижением рельефа. Остатки сооружения хорошо просматриваются по каменно-грунтовым валам, образовавшимся при разборке стен на камень. Стены памятника возводились из крупных обработанных плит известняка толщиной 15–25 см, устанавливаемых вертикально в два ряда, с каменно-грунтовой забутовкой внутреннего пространства. Камень добывали из обнажения скальных террас. Часть строительного камня была взята на возведение надгробий казахской части кладбища Есетмола, но основная масса камня, вероятно, увезена отсюда в 30-х годах XX в. в период активного строительства, эпохи коллективизации. Высота сохранившихся фундаментов относительно уровня дневной поверхности составляет 1,4–2,5 м. Среди каменных завалов, образовавшихся от выборки камня и рухнувших перекрытий, хорошо прослеживаются очертания части внешних стен, башен и внутренних помещений. При небольшой дополнительной зачистке, без проведения археологических раскопок, удалось практически полностью воспроизвести масштабный архитектурный план всей постройки. Сооружение имеет правильную четырехугольную форму 41,6×40,8 м. с ориентацией плоскостей стен близкой к сторонам света (смещение 11° к западу). Вход устроен в середине западной стены. Его ширина 3,8 м. С фасадной стороны сохранились фундаменты двух пилонов шириной 2,7 м выступающих от плоскости стен на 1,2 м. Расстояние между пилонами 4,8 м, глубина порталной арки 2,5 м, длина прохода 7,2 м. С фасадной стороны, напротив фундаментов пилонов, располагается два широких каменных вала, в которых просматриваются ряды упавших каменных кладок, протяженностью до 8 м. Эти валы следует расценивать как остатки упавшего П-образного оформле-

ния портала, достигавшего высотой около 10 м. Толщина внешних стен составляет 1,5 м, за исключением задней, имеющей толщину 1,2 м. Планировка внутренних помещений караван-сарая практически полностью читается, без проведения раскопочных работ. Справа и слева от входа, зеркально располагаются по две больших, квадратных в плане комнаты размером 5,7×5,7 м. Стены этих помещений сохранились на наибольшую высоту, до 2,5 м, благодаря чему хорошо прослеживается конструкция сводчатых перекрытий. На высоте 1,5–1,7 м от уровня полов (по исследованиям караван-сарая Коскудук, осуществленным ХАЭЭ АН СССР в 1950 г.) (Толстов, 1958, с. 15) стены возводились из массивных вертикально установленных плит. Далее сводчатое перекрытие выполнялось обработанными в форме кирпичей плитками известняка, средним размером 20×20×5 см и 20×30×5 см. В описываемых помещениях своды выводились при помощи тромпов – промежуточных опорных выступов в стенах, с которых выводились полукружия углов помещения. Помещения, примыкавшие к входу, имели простенки в виде неглубоких ниш, оформленных стрельчатыми арками. Края ниш оформлены треугольными выступами, поддерживавшими по углам комнаты полусвод, вероятно, стрельчатых очертаний, с которых, в свою очередь, выводилось основное сводчатое перекрытие. Угловые комнаты имели немного иное перекрытие. Здесь тромпы сильно выступали из плоскости стен, и располагались в ее средней части. До настоящего времени на поверхности развалин этих комнат хорошо сохранились крестовидные очертания кладок нижнего сечения выводимых полусводов, также когда-то удерживавших купольное перекрытие. Вероятно, все помещения постройки имели алебастровое оштукатуривание поверхностей. Между комнатами каждого крыла были устроены каменные лестницы шириной 1,2–1,3 м, выходившие, вероятно, на уровень стрелковых площадок стен караван-сарая. Ступени правого крыла сохранились на высоте 2,4 м при средней ширине и высоте ступеней в верхней части 26 и 26 см соответственно. Это позволило предположить, что сохранившийся лестничный марш, может содержать 9 или 10 ступеней, а с учетом его возможной длины количество ступеней могло определяться 22–24 ступенями. Из этого

следует, что стрелковая площадка могла располагаться на высоте 5,5–6 м. Фасадные углы караван-сарая оформлены башнями круглой в плане формы. Башни со стороны ворот и три промежуточные по периметру сооружения имеют диаметр 3,3 м, а две угловые башни с тыльной стороны – диаметр 4 м. Внутрибашенные помещения отсутствуют. Караван-сарай имеет обширный четырехугольный двор 30,5×25,5 м. Во двор выходят все дверные проемы бытовых и хозяйственных помещений. Современная поверхность двора имеет блюдцеобразное понижение. Вдоль северной и южной стен постройки устроены небольшие жилые помещения, по 7 у каждой стены. Очертания помещений хорошо просматриваются ближе к углам караван-сарая. Очертания центральных помещений восстановлены относительно общей планировки караван-сарая. Конструктивно стены помещений выполнены из массивных обработанных плит известняка, установленных вертикально, в два ряда с бутовым заполнением на высоту 1,6–1,7 м. Ширина стены со стороны двора составляет 1,2 м, а ширина перегородок – 1 м. Средние размеры помещений 2,7×2,8–3 м. Помещения перекрывались сводами типа «балхи» из обработанных под кирпич плиток известняка. Со стороны двора, с востока по плоскости поперечных стен помещений устроены дверные проемы, шириной 0,9 м. Вдоль восточной стены устроено помещение, вероятно, имевшее хозяйственное назначение. Это помещение отделено от двора стеной толщиной 1,6 м с одним центральным проходом шириной 2,5 м. Внутренняя ширина помещения 3,6 м. От входа помещение поделено парными прямоугольными тропками (ширина 1 м, выступают на 0,5 м, ширина арки 2,8 м) для удержания арочного перекрытия на два симметричных крыла. Каждое крыло делится еще на четыре сектора, поделенных тоже арочными проемами (промежуточные по внешней стене караван-сарая, также имели троповые выступы (ширина 0,5 м, выступают на 0,3 м, ширина арки 3,3 м). Подобная конструкция стен позволяет высказать предположение о купольном перекрытии. Угловые помещения немного заужены – 2,7×3,8–4 м. Они, вероятно, тоже имели широкий арочный проем и купольное перекрытие, которое прослеживается на поверхности в виде просевших кладок

из обработанной известняковой плитки, располагающихся по полупериметру помещений. В 20 м напротив главного входа караван-сарая имеются остатки каменного фундамента многокомнатного помещения размером 24×6 м. Помещение длинной осью ориентировано по линии СЮ. Фундамент местами возвышается на 0,2 м от уровня современной поверхности, где сохранилась массивная вертикально установленная облицовочная плита. Вблизи северной стены караван-сарая, на краю невысокой террасы располагается каменный фундамент второго помещения размером 12×9 м. Высота фундамента до 0,4 м от уровня дневной поверхности. Фундамент третьего двухкомнатного сооружения, 11×6 м, хорошо просматривается на удалении 30 м от северо-западной башни караван-сарая. Вблизи фундаментов этих построек отмечается наибольшая концентрация мелких обломков станковой керамики второй половины XII–XIV вв. Эта же керамика встречается вокруг караван-сарая с разной плотностью концентрации на площади более 3 га. В 130 м южнее юго-западной башни караван-сарая сохранился фундамент четвертой постройки, определенной как сигнальная башня. На месте этого сооружения сохранился лишь фундамент размером 6×6 м, облицованный массивными, вертикально установленными плитами обработанного известняка, просматривающихся на уровне современной поверхности высотой до 0,3 м. Внутреннее пространство башни заполнено грунтом и обломками красного кирпича размером 22×22×6 см. Грунтовое заполнение сохранилось в виде оплывшей насыпи высотой 1,2 м. В 30 м северо-восточнее караван-сарая сохранилась каменно-грунтовая запруда, перегораживающая небольшое русловое понижение. Запруда имеет полукруглые очертания. Ее длина составляет около 35 м, ширина 2 м при высоте 1 м. Западная часть плотины смыта паводковыми водами. Подъемный материал изобилует фрагментами красноглиняных станковых сосудов, мелкими обломками глазурованной керамики, а также фрагментами стенок штампованной сероглиняной керамики золотоордынского периода. Местами встречаются обломки стеклянных изделий. Около порталной части караван-сарая найдена буса из стеклянной пасты. В 100 м юго-западнее караван-сарая располагается большое кладбище, состоящее из средне-

векового комплекса надгробий и казахских захоронений XVIII-XIX вв. Комплексы надгробий не разграничены территориально, а устроены вперемешку. К средневековым надгробиям следует отнести фундаменты 7 разобранных на камень мавзолеев и более 100 надгробий в виде одно-, двух- или трехступенчатого постамента и «пирамидки» с навершием в виде двухскатной крыши. Обитаемая зона составляла около 4 га. На площади караван-сарая и на удалении до 150–200 м встречаются фрагменты станковой керамики XI–XII вв. Керамика, по-видимому, относится к периоду хорезмшахов. С востока к первому котловану примыкает могильник (13–15 захоронений), определяемый по каменным вымосткам, наброскам и каменным ящикам. Еще один могильник (около 20 захоронений) расположен в 200 м северо-восточнее караван-сарая на противоположном борту сухого русла. По фрагментам керамической посуды установлено, что караван-сарай существовал в период XI–XIV вв.

В 6 км на северо-запад от 6-го разъезда выявлен городище **Уали 1** (Калменов, 2013). Городище площадью 10 га. читается по остаткам земляного вала высотой до 2 м и шириной 30–35 м, в плане имеющего овальную планировку 300×170 м, длинной осью ориентированную по линии ВЗ. В северо-западном секторе вал имеет разрыв шириной 10 м. На вершине вала местами сохранились участки цокольной двухрядной кладки каменной стены шириной 2 м. На северо-западном секторе в районе прохода по валу просматриваются очертания четырехугольной постройки. Здесь же сохранилась цокольная однорядная кладка пристройки к валу размером 70×30 м. Еще один фундамент двухкомнатного помещения 14×10 м находится у основания вала в юго-восточном секторе. В пределах вала, с концентрацией в западном секторе, встречаются фрагменты станковой красноглиняной керамики тюркского периода (XI–XIII вв.). Судя по географическому расположению памятника, мы можем предположить, что городище в ранний период было сооружено как караван-сарай.

На устюртском подъеме Маната были обнаружены фрагменты красноглиняной керамики. Археологическое обследование выявило, что это остатки небольшого караван-сарая периода Улуса Джучи. Памятник был назван

караван-сарай **Маната**. Караван-сарай находится в 27 км на северо-восток от пос. Жетыбай (Калменов, 2013). Остатки караван-сарая расположены недалеко от удобного спуска с плато. Памятник сохранился очень плохо, на уровне цокольных кладок. Девятикомнатное сооружение имеет подпрямоугольную форму 24×11 м, вытянутую по линии СВ-ЮЗ. Восточный угол имел пристройку в одну комнату 5×4,5 м. Северо-восточная стена имеет полукруглую в плане пристройку. Стены сложены методом двухрядной кладки с грунтово-щебнистой забутовкой в сочетании с вертикально установленными плитами. Ширина стен 0,9–1,2 м. На площади караван-сарая и восточнее его на удалении до 150–200 м встречаются фрагменты станковой керамики XIV в. Восточнее и юго-восточнее от караван-сарая находятся 3 могильника, синхронные по времени караван-сарая, и два казахских кладбища нового времени. Возможно, памятник, кроме обслуживания торговых караванов, выполнял и иную задачу, такую как контроль над одним из наиболее удобных спусков с плато. На основе найденных фрагментов керамики памятник датируется XIV в.

Таким образом, результаты археологического изучения памятников Устюрта, исследования археологического материала и письменных источников позволяют сделать следующие выводы – на плато Устюрт, ставших в XIII в. частью Улуг Улуса (Золотая Орда), караван-сарай существовали задолго до прихода чингизидов. Сведения письменных источников о караванных дорогах, о поселениях, расположенных вдоль этих путей, в основе своей относятся к X–XI вв., когда эти дороги еще только начинают функционировать. В результате завоеваний войсками чингизидов некоторые из них были заброшены, а некоторые восстановлены и использовались и в золотоордынское время. В начале XIII вв. на караванных дорогах, которые расположены на плато, появляются оборудованные караван-сарай – Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук, Кусшы ата, Коптам (Белдеули) и у родника Коскудук (Есетбулак), также в направлении Каспийского моря расположены Уали и Маната свидетельствует о росте их значимости. Во-вторых, памятники расположены цепочкой, практически по прямой линии, идущей с юго-востока, на северо-запад от северного борта шора Барса-

кельмес до края чинка плато Устюрт в его северо-западной оконечности ущелья Мынсу-алмас. Возможно, это караванный путь был не единственным на Устюрте в золотоордынское время. Западный путь, ведущий от Ургенча через плато Устюрт к полуострову Мангистау, был известен, по крайней мере, с хазарского времени. Он также был оборудован караван-сараями, но все известные постройки датируются доордынским периодом (Астафьев, 2010, с. 56–60). В-третьих, исследованные караван-сарай Устюрта свидетельствует о том, что все они относятся к одному типу планировки. Все здания представляют собой однодворовые постройки квадратные или близкие к квадрату в плане, с одним входом. Застройка вдоль стен секционно-галерейная вдоль четырех стен в один ряд. Причем к трем стенам примыкают жилые секции и общественные помещения, а к противоположному входу стене – хозяйственная галерея. В XIII–XIV вв. караван-сарай используется особенно интенсивно, что свидетельствует о стабильном политико-экономическом положении региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Ал-Асир*. Извлечения из рукописи А.Туманского. С введением и указателем В.В.Бартольда. Л., 1930. 138 с.
- Ажигали С.Е.* Очерк этнической истории аридной зоны Арало–Каспия // История и культура Арало-Каспия. Вып. 1 / Отв. ред. С. Ажигали. Алматы: Құс жолы, 2001. С. 7–37.
- Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии. Алматы: Ғылым, 2002. 652 с.
- Алиханов-Аварский М.* Поход в Хиву (Кавказских отрядов) 1873 г. Степь и оазис. СПб.: Паровая Скоропечатня Я.И. Либермана, 1899. 320 с.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье; Отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Л., 1937. 306 с.
- Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Книга III. Часть 1. Алматы: Институт археологии МОН РК, 2016. 594 с.
- Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. // Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965. С. 15–96.
- Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. / Записки Императорской АН по историко-филологическому отделению. Т. 1. № 4. СПб.: тип. Акад. Наук, 1897. 151 с.
- Бартольд В.В.* Мангышлак // Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965. С. 479–480.
- Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965. С. 97–236.
- Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Сочинения. Т. II. М.: Наука, 1965. С. 547–626.
- Баярунас М.В.* К геологии Гурьевского уезда Уральской области // Труды Петроградского общества естествоиспытателей. 1916. Т. 38. Вып. 5. Отд. Геологии и минералогии. С. 72–74.
- Бижанов Е.Б.* Археологические памятники Юго-Восточного Устюрта. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Нукус, 1967. 26 с.
- Бижанов Е.Б.* Средневековая крепость Давлетгирей на Устюрте // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1965. № 4. С. 64–67.
- Бижанов Е.Б.* Ширван-кала – специализированное поселение горнорабочих-ремесленников // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1966. № 3. С. 96–98.
- Бижанов Е.Б.* Юго-восточный Устюрт. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1979. № 3. С. 56–60.
- Бижанов Е.Б., Лоховиц В.В.* Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1969. № 2. С. 59–61.
- Галкин М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Издание Я.А. Исакова, 1868. 336 с.
- Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. 310 с.
- Григорьев В.В.* О путешествиях Гербера в Хиву 1732 г. // ИРГО. Т. 6. Отд. 1 / Ред. Ф. Р. Остен-Сакен. СПб.: Тип. В. Безобразова, 187. С. 46–47.
- Григорьев В.В.* Описание Хивинского ханства и дорог туда из Сарайчиковой крепости. // Записки РГО. Кн. 2. СПб., 1861. С. 112–115.

Гродеков Н.И. Хивинский поход 1873 г. Действие Кавказских отрядов. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 470 с.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: АН УзССР, 1957. 314 с.

Д.К. Усть–Урт, ночлег на Аджибай-Аксауте, в одном переходе от мыса Урга и хивинской крепости Джаныкала, 3 мая 1873 г. // Уральские войсковые ведомости. 1873. № 24. С. 11.

Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта / Отв. ред. С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1978. 327 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: Отечество, 2018. 353 с.

Извлечения из «Китаб Футух ал-Булдан ал-Беларузи» // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 62–77.

Извлечения из «Китаб ал-Булдан» ал-Я'куби // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 78–86.

Извлечения из «Китаб ал-алак ан-нафиса» Ибн Русте // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 150.

Извлечения из «Ахсан Ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим ал-Макдиси» // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 184–186.

Извлечения из «Китаб ал-асар ал Бакия ан ал-курун ал-хилия» Абу-Рейхана ал-Беруни // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 219–220.

Извлечения из «Худуд-ал-алем» – анонимного персидского географического сочинения (перевод под редакцией А.А. Ромаскевича) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 209–217.

Извлечения из «Китаб мурудж аз-захаб» ал-Мас'уди // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 166–167

Извлечение из 4 тома «Раузат ас-сафа» Мирхонда. (Пер. А.А. Ромаскевича) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 450–469.

История Узбекской ССР. Т. 1, кн. 2 / Ред. М.Г. Вахабов и др. Ташкент: АН УзССР, 1956. 497 с.

Калменов, М.Д. Средневековые караван-сарай, расположенные на территории Мангистау // Материалы Междун. науч. конф. «Кадырбаевские чтения – 2007» / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актобинский областной историко-краеведческий музей, 2007. С. 278–282.

Калменов М.Д. Караванный тракт через плато Устюрт // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 1. С. 65–70.

Кастанье И.А. Древности киргизской степи и Оренбургского края / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22. Оренбург: типо-литография т-ва "Каримов, Хусаинов и К°", 1910. 332 с.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М.: Наука, 1980. 312 с.

Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М.: Мысль, 1964. 119 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 347 с.

Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. 2. СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1880. 261 с.

Килевейн Е. Отрывок из путешествия в Хиву // Записки РГО. Кн. 1. СПб., 1861. С. 5–11.

Кожа М., Самашев З. О раскопках караван-сарая Белдеули // Восхождение к вершинам археологии. Сб. материалов междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахста-

на», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 486–489.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 264 с.

Лобысевич Ф.И. Взятие Хивы и Хивинская экспедиция 1873 г. // Вестник Европы. 1873. Кн. 8. С. 47–66.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л.: Наука, 1976. 286 с.

Мандельштам А.М. К данным аль-Бируни о Закаспии // Страны и народы Востока. Вып. X. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история / Под общ. ред. Д.А. Ольдерогге. Отв. ред. В.А. Ромодин. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 163–169.

Маньлов Ю.П. Археологические исследования караван-сарая Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1 / Отв. ред. С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1982. С. 93–122.

Маньлов Ю.П., Юсупов Н.Ю. Караван-сарай Центрального Устюрта // СА. 1982. № 1. С. 175–186.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники / Отв. ред. А.П. Баранников. М.; Л.: АН СССР, 1939. 612 с.

Немцева Н.Б. Рабат-и Малик // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. / Ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1983. С. 139–141.

Небольсин П.И. Очерки торговли России со Средней Азией // Записки РГО. Т. 10. Кн. 5. СПб., 1855. С. 109–111.

Никитин С.Н. Отчеты экспедиции 1892 г. в Зауральские степи Уральскую область и Устюрт. Снаряженной Акционерами Общества Рязанско-Уральской Ж.Д., С.П. и П.П. Фон Дервиз и Геологическим Комитетом. Под начальством С.Н. Никитина, с приложением отчетной карты и 6 таблиц профилей. СПб. Типография А.Якобсона, 1893. 127 с.

Оңгарұлы А., Қожжа М., Чотбаев А., Байтлеу Д., Қиясбек Ф. Ортағасырлық Белдеулі керуен-сарайында атқарылған зерттеу жұмыстарының нәтижелері // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Путешествия Ибн Баттуты по Шелковому Пути: продвигая диалог между культурами» / Отв. ред. Г.К. Кайыргалиева. Атырау: Типография Атырауского госуниверситета им. Х. Досмухамедова, 2017. С. 51–54.

Первые русские научные исследования Устюрта / Отв. ред. А.Л. Яншин, Л.А. Гольденберг. М.: АН СССР, 1963. 326 с.

Петрусевич Н.Г. Предварительный отчет об исследованиях Дарьялыка (Узбой) и местности между Аму-Дарьей и Сарыкамышской котловиной // Известия Кавказского отдела Императорского РГО. 1878. Т. 5. Вып. 4. С. 241–256.

Плетнёва С.А. Хазары. М.: Наука, 1976. 94 с.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: АН СССР, 1958. 493 с.

Руссов С.В. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г., с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен донныне. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1840. 56 с.

Рычков П. Топография Оренбургской губернии. Ч. 2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1762. 262 с.

Рябинин А.Н. По Прикаспийским степям и Устюрту от р. Урала до устья Аму-Дарьи (Путевые наблюдения 1859 г.) // Горный журнал. 1905. Т. 1. Февраль. С. 37–38.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1945–1948 гг. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945–1948 / ТХАЭЭ. Т. 1 / Отв. ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1952. С. 7–46.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1946 году // Известия АН СССР. Серия истории и философии, Т. IV. №2. М., 1947. С. 182–190.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: АН СССР, 1948. 326 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. лит-ра, 1962. 322 с.

Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.

Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № 1. С. 176–203

Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / ТХАЭЭ. Т. 2 / Отв. ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1958. С. 7–258.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига: Continent, 1992. 344 с.

Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Аму-Дарьи / Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М.: АН СССР, 1963. 207 с.

Ягодин В.Н., Бижанов Е.Б., Мамбетуллаев М.М., Юсупов Н. Ю. Разведки на Устюрте // АО – 1972 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. С. 473–482.

Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Т. 5 / Отв. ред. В.В. Бартольд. Л.: АН СССР, 1930. С. 551–582.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке / ИГАИМК. Т. 8. Вып. 2-3. 1931. С. 91.

Информация об авторах:

Калменов Мурат Дабылович, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета (г. Уральск, Казахстан); kalmenoff@mail.ru

Бижанова Алия Ермековна, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета (г. Уральск, Казахстан); aaliyka@mail.ru

Курманалин Самат Бакитжанович, кандидат исторических наук, профессор Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета (г. Уральск, Казахстан); Samatbk71@mail.ru

REFERENCES

Al-Asir. 1930. *Iz vlecheniya iz rukopisi (Extracts from the manuscript)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Azhigali, S. E. 2001. In Azhigali, S. E. (ed.). *Istoriya i kul'tura Aralo-Kaspiya (History and culture of the Aral-Caspian Sea region)*. Almaty: “Құс зһолы” Publ., 7–37 (in Russian).

Azhigali, S. E. 2002. *Arkhitectura kochevnikov. Fenomen istorii i kul'tury Evrazii (The architecture of the nomads. The phenomenon of the history and culture of Eurasia)*. Almaty: “Gylım” Publ. (in Russian).

Alikhanov-Avarsky, M. 1899. *Pokhod v Khivu (Kavkazskikh otryadov) 1873 g. Step' i oasis (A campaign to Khiva (Caucasian troops) in 1873. Steppe and oasis)*. Saint Petersburg: “Ya.I. Liberman” Publ. (in Russian).

Gotie Yu. V. (ed.). 1937. *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke (English Travelers in Muscovy in 16th Century)*. Moscow: “Sotsekgiz” Publ. (in Russian).

Baipakov, K. M. 2016. *Drevniaia i srednevekovaia urbanizatsiia Kazakhstana (Ancient and Medieval Urbanization of Kazakhstan)* Book III, Part 1. Almaty: Institute of Archaeology (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1965. In *Sochineniia (Compositions)* 3. Moscow: “Nauka” Publ., 15–96 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1897. *Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy tsel'yu v 1893-1894 gg. (Report on a trip to Central Asia for scientific purposes in 1893-1894)*. Series: Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences) I (4). Saint Petersburg (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1965. In *Sochineniia (Compositions)* 3. Moscow: “Nauka” Publ., 479–480 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1965. In *Sochineniia (Compositions)* 3. Moscow: “Nauka” Publ., 97–236 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1965. In *Sochineniia (Compositions)* 3. Moscow: “Nauka” Publ., 547–626 (in Russian).

Bayarunas, M. V. 1916. In *Trudy Petrogradskogo Obshchestva estestvoispytateley (Proceedings of the Petrograd Society of Naturalists)*. 38 (5), 72–74” (in Russian).

Bizhanov, E. B. 1967. *Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Vostochnogo Ustyurta (Archaeological sites of the southeastern Ustyurt)*. Thesis of Candidate of Historical Sciences. Nukus. (in Russian).

Bizhanov, E. B. 1965. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala AN UzSSR (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic)* 4, 64–67 (in Russian).

Bizhanov, E. B. 1966. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala AN UzSSR (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic)* 3, 96–98 (in Russian).

- Bizhanov, E. B. 1979. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala AN UzSSR (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic)* 3, 56–60 (in Russian).
- Bizhanov, E. B., Lokhovits, V. V. 1969. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala AN UzSSR (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic)* 2, 59–61 (in Russian).
- Galkin, M. N. 1868. *Etnograficheskie i istoricheskie materialy po Srednei Azii i Orenburgskomu krayu (Ethnographic and Historical Materials on Central Asia and Orenburg Region)*. Saint Petersburg: “Ya. A. Isakov Publ”. (in Russian).
- Gafurov, B. G. 1972. *Tadzhiiki. Drevneyshaya, drevnyaya i srednevekovaya istoriya (The Tajiks. The most ancient, ancient and medieval history)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Grigor’ev, V. V. 1870. In Osten-Saken, F. R. (ed.). *Izvestija Imp. Russkogo Geograficheskogo Obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society)* 6. Saint Petersburg: “V. Bezobrazov Typography” Publ., 46–47 (in Russian).
- Grigor’ev, V. V. 1861. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* 2. Saint Petersburg, 112–115 (in Russian).
- Grodekov, N. I. 1888. *Khivinskiy pokhod 1873 g. Deystvie Kavkazskikh otryadov (The Khiva campaign of 1873. The operation of the Caucasian troops)*. Saint Petersburg: “V. S. Balashev” Publ. (in Russian).
- Gulyamob, Ya. G. 1957. *Istoriya orosheniya Khorezma s drevneyshikh vremen do nashikh dney (The history of irrigation in Khwarazm from ancient times to the present day)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR (in Russian).
- D.K. 1873. In *Ural’skie voiskovye vedomosti (Ural Military News)* 24, 11 (in Russian).
- Kamalov, S. K. (ed.). 1978. *Drevnyaya i srednevekovaya kul’tura Yugo-Vostochnogo Ustyurta (Ancient and medieval culture of the southeastern Ustyurt)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2018. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* 2. *Grazhdanskoe zodchestvo (Civil Architecture)*. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
- In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 62–77 (in Russian).
- In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 78–86 (in Russian).
- In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 150 (in Russian).
- In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 184–186 (in Russian).
- In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 219–220 (in Russian).
- In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 209–217 (in Russian).
- In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 166–167 (in Russian).
- In Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 450–469 (in Russian).
- Vakhabov, M. G. et al. (eds.). 1956. *Istoriya Uzbekskoy SSR (History of Uzbek SSR)*. Vol. 1, book 2. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR (in Russian).
- Kalmenov, M. D. 2007. In Bisembayev, A. A. (ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Kadyrbaevskie chteniia – 2007” (Proceedings of International Research Conference “Kadyrbaev Readings – 2007”)* Aktobe: Aktobe Regional Historical and Local Lore Museum, 175–188 (in Russian).
- Kalmenov, M. D. 2012. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1, 65–70 (in Russian).
- Kastan’e, I. A. 1910. *Drevnosti kirgizskoy stepi i Orenburgskogo kraya (Antiquities of the Kyrgyz steppe and Orenburg region)*. Series: Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission) 22. Orenburg: “Karimov, Khusainov and Co” Publ. (in Russian).
- Kloss, B. M. 1980. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI-XVII vv. (The Nikon Code and the Russian chronicles of the XVI-XVII centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

- Knyazhetskaya, E. A. 1964. *Sud'ba odnoy karty (The fate of one map)*. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
- Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921—922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921-922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
- Kostenko, A. P. 1880. *Turkestanskiy kray. Opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voennogo okruga (Turkestan region. The experience of the military statistical review of the Turkestan Military District) 2*. Saint Petersburg: "Obshchestv. Pol'za" Publ. (in Russian).
- Kilevein, E. 1861. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society) 1*. Saint Petersburg, 5–11 (in Russian).
- Kozha M., Samashev, Z. 2014. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Voskhozhdenie k vershinam arkheologii (Towards the Apex of Archaeology)*. Almaty: Institute for Archaeology, 486–489 11 (in Russian).
- Levshin, A. I. 1832. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey (Description of the Kirgiz-Cossack, or Kirgiz-Kaysak hordes and steppes) 1*. Saint Petersburg: "Karl Kray" Publ. (in Russian).
- Lobysevich, F. I. 1873. In *Vestnik Evropy (Bulletin of Europe) 8*, 47–66 (in Russian).
- Lur'e, Ya. S. 1976. *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv. (All-Russian chronicles of the XIV–XV centuries)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Mandelstam, A. M. 1971. In Olderogge, D. A., Romodin, V. S. (eds.). *Strany i narody Vostoka (Countries and peoples of the East) 10*. Moscow: "Nauka" Publ., 163–169 (in Russian).
- Manylov, Yu. P. 1982. In Kamalov, S. K. (ed.). *Arkheologiya Priaral'ya (Archeology of the Aral Sea region) 1*. Tashkent: "Fan" Publ., 93–122 (in Russian).
- Manylov, Yu. P., Yusupov, N. Yu. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (1)*, 175–186 (in Russian).
- Barannikov, A. P. (ed.). 1939. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan) 1*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Nemtsova, N. B. 1983. *Khudozhestvennaya kul'tura Sredney Azii IX–XIII vv. (The artistic culture of Central Asia of the IX–XIII centuries)*. Tashkent: "Literature and Art" Publ. (in Russian).
- Nebol'sin, P. I. 1855. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society) 5 (10)*. Saint Petersburg, 109–111 (in Russian).
- Nikitin, S. N. 1893. *Otchety ekspeditsii 1892 g. v Zaural'skie stepi Ural'skuyu oblast' i Ustyurt. Snaryazhennoy Aktsionerami Obshchestva Ryazansko-Ural'skoy Zh.D., S.P. i P.P. Fon Derviz i Geologicheskim Komitetom. Pod nachal'stvom S.N. Nikitina, s prilozheniem otchetnoy karty i 6 tablits profiley (Reports of the 1892 expedition to the Trans-Ural steppes, the Ural region and Ustyurt. Equipped by the Shareholders of the Ryazan-Ural Railway Company, S.P. and P.P. Von Derviz and the Geological Committee. Under the supervision of S.N. Nikitin, with the application of a report card and 6 profile tables)*. Saint Petersburg: "A. Yakobson, Publ. (in Russian).
- Ongaruly, A., Khozha, M., Chotbaev, A., Baitleu, D., Khiyasbek, F. 2017. In Kaiyrgalieva, G. K. (ed.). *Puteshestviya Ibn Battuty po Shelkovomu Puti: prodvigaya dialog mezhdu kul'turami (Ibn Battuta's journey along the Silk Road: promoting dialogue between cultures)*. Atyrau: Atyrau State University, 51–54 (in Kazakh).
- Yanshin, A. L., Goldenberg, L. A. (eds.). 1963. *Pervye russkie nauchnye issledovaniya Ustyurta (The first Russian scientific study of Ustyurt)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Petrusevich, N. G. 1878. In *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imp. Russkogo Geograficheskogo Obshhestva (Proceedings of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society) 5 (4)*, 241–256 (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1976. *Khazary (Khazars)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pugachenkova, G. A. 1958. *Puti razvitiia arkhitektury Iuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniia i feodalizma (Ways of Development of South Turkmenistan Architecture during Slavery and Feudalism)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Russov, S. V. 1840. *Puteshestvie iz Orenburga v Khivu samarskogo kuptsa Rukavkina v 1753 g., s priobshcheniem raznykh izvestiy o Khive s otdalennykh vremen donyne (The journey from Orenburg to Khiva of the Samara merchant Rukavkin in 1753, with the introduction of various news about Khiva from ancient times to the present)*. Saint Petersburg: Ministry of Internal Affairs (in Russian).

Rychkov, P. I. 1999. *Topografiia Orenburgskoi gubernii (Topography of the Orenburg Province)* Part 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Ryabinin, A. N. 1905. In *Gornyi zhurnal (Mining Journal)* I, 37–38 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1952. In Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A. (eds.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1945–1948 (Archaeological and Ethnographic Activities of the Khwarezm Expedition in 1945–1948)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–46 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1947. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii (Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Historical and Philosophy Series)* 2 (4), 182–190 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnkhorezmiyskoy tsivilizatsii (By the traces of the ancient Khwarazmian civilization)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Iaksarta (Alongside Ancient Deltas of the Oxus and the Jaxartes)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Tolstov, S. P. 1947. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 55–102 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1938. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1), 176–203 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1958. In Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A. (eds.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographic Activities of the Khwarezm Expedition in 1949–1953)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–258 (in Russian).

Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhdurabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (Between Arabs and Turks: Architecture of Central Asia in 9th–10th Centuries)*. Berlin; Riga: "Continent" Publ. (in Russian).

Yagodin, V. N. 1963. *Marshrutnye arkheologicheskie issledovaniya v levoberezhnoy chasti Priaral'skoy del'ty Amu-Dar'I (Archaeological studies in the left-bank part of the Aral delta of the Amu Darya)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Yagodin, V. N., Bizhanov, E. B., Mambetullaev, M. M., Yusupov, N. YU. 1973. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1972 goda (Archaeological Discoveries of 1972)*. Moscow: "Nauka" Publ., 473–482 (in Russian).

Yakubovich, A. Yu. 1930. In Bartol'd, V. V. (ed.). *Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii nauk SSSR (Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences)* 5. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 551–582 (in Russian).

Yakubovich, A. Yu. 1931. *K voprosu o proishozhdenii remeslennoi promyshlennosti Saraia Berke (The Issues of the Origin of the Handicraft Industry of the Sarai of Berke)* Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture)* Vol. 8 (2–3). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

About the Authors:

Kalmenov Murat D., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, West Kazakhstan Innovation and Technology University. N. Nazarbayev Ave., 208, Uralsk, 090000, Republic Of Kazakhstan; aaliyka@mail.ru

Bizhanova Aliya E., Candidate of Historical Sciences, Associate, West Kazakhstan Innovation and Technology University. N. Nazarbayev Ave., 208, Uralsk, 090000, Republic Of Kazakhstan; aaliyka@mail.ru

Kurmanalin Samat B., Candidate of Historical Sciences, Professor, West Kazakhstan Innovation and Technology University. N. Nazarbayev Ave., 208, Uralsk, 090000, Republic Of Kazakhstan; Samatbk71@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу